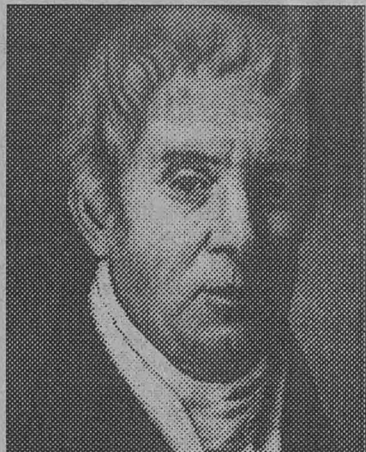

Картина жизни в раме эпохи

Интервью
с Константином Ковалевым,
автором книги
«Бортнянский»
(серия
«Жизнь замечательных людей»)

— Константин Петрович, Ваша книга выходит вторым изданием; первое, напечатанное в 1989 году, насколько мне известно, полностью раскуплено. Расскажите, пожалуйста, почему Вы решили написать большую монографию именно о Бортнянском?

— Я с детства увлекался музыкой, окончил музыкальную школу по классу скрипки. В юности, как и многие, увлекался литературными опытами: стихами, прозой, журналистикой. Со временем стало невозможным совмещать серьезные занятия и тем, и тем. Я учился на историческом факультете, появилась семья, времени совершенствоваться в разных направлениях просто не было. Все это было предметом моих внутренних огорчений, пока один священник, с которым я советовался «за жизнь», не сказал то, что определило мою биографию на много лет вперед: «Ты хочешь заниматься музыкой — не выходит, литературой — тоже нет времени. А ты совмести одно с другим — пиши о музыке!» В тот же день, вернувшись домой и покопавшись в книгах, я вдруг обратил внимание на композитора, имя которого у меня было «на слуху», но о котором я ничего не знал, — Дмитрий Степанович Бортнянский. Меня очень удивило, что ни в одном справочнике, ни у меня дома, ни в библиотеках, я не мог найти о нем ничего, кроме маленькой биографической справки. Более того, в те времена (конец 70-х) еще не найдены были большинство его произведений, особенно светских. Времена были плохие: не было ни пластинок, ни информации, а в концертах если изредка и исполняли Бортнянского, то, конечно, не с богослужебным текстом, а с подставленными Машистовым словами про солнышко, про птичек...

Эта тема увлекала меня все больше и больше. Параллельно проходила и моя духовная жизнь: я крестился, входил постепенно во внутреннюю жизнь Церкви. Таким образом, в исследовании жизни и творчества Бортнянского соучаствовало все, что было значимо для меня: Церковь, музыка, литература, история. Над книгой я работал десять лет.

— Книга насыщена историческими деталями, описанием характера и ду-

ха той эпохи, в которой рос и жил Бортнянский...

— Серия «ЖЗЛ» адресована самому широкому кругу читателей, и ее жанр — научно-художественная биография, сочетающая желание передать максимум точной исторической информации с привнесением и каких-то художественных образов, чтобы это было легко и интересно читать. По-настоящему понять и почувствовать личность Бортнянского нельзя вне его эпохи, того своеобразного и интереснейшего времени, каким была вторая половина XVIII века. Это было столетие великих «мастодонтов» русской культуры. В Петербурге на Невском есть замечательный памятник Екатерине II, вокруг которой изображены великие люди века: великий поэт — Державин, великий ученый — Ломоносов, великий полководец — Суворов, великий политик — Потемкин... Нет, к сожалению, только великого музыканта. А он должен был бы там быть — это Бортнянский! Вообще Бортнянский стоит на рубеже эпох: «предклассический» период русской музыкальной культуры заканчивается, начинается классический, и начинается именно с него (а вовсе не с Глинки, как принято считать).

— Если положить рядом ноты какого-либо концерта Бортнянского и, скажем, ирмосы Великого канона, можно подумать, что это написали два разных человека с совершенно различной ориентацией в церковной музыке.

— Да, и это очень важно. XVIII веку вообще свойственна такая двойственность. Применительно к Бортнянскому она ярко выражается даже чисто внешне: человек в буклях и европейском костюме должен писать сугубо церковную православную музыку. Он учился в Италии у итальянских композиторов и одновременно должен был создавать нечто, лежащее в самой глубине русской души. И Бортнянскому, в отличие от многих его современников, это удавалось, по большому счету удалось.

Русская мысль. — Париж.

Вопросы:

ВЛАДИМИР КОВАЛЬДЖИ

— 4-15 апр. — с. 15. — 1998

Москва